

Анна Станкевич

Даугавпилс

## Спор о человеке в романе В. Короткевича *Христос приземлился в Гродно*

Центральная проблема сложного и многопланового романа Владимира Короткевича *Христос приземлился в Гродно* (1966) – спор о человеке. Уже на первых страницах обозначены две взаимоисключающиеся точки зрения на этот вопрос. Первая – гуманистическая, сформированная ренессансной культурой и представленная творчеством Данте, Леонардо да Винчи, Джованни Боккаччо, Рафаэля, о чём много и подробно рассуждают герои романа.

В открывающем роман *Слове двух свидетелей* звучит предположение, что, может быть, наступят времена, „когда начнут канонизировать не в святые, а в Люди”<sup>1</sup>.

Однако тезис „Человек – венец вселенной”, „царь природы”<sup>2</sup>, „образ Божий”<sup>3</sup> – идеал, понятный не многим в кризисной и больной Беларуси XVI века. Своеобразным рефреном в романе звучит фраза: „Люди в тот год болели”<sup>4</sup>, и речь идёт не столько о здоровье отдельных личностей, сколько о болезни всего общества.

Полемика о том, что такое человек, разворачивается на фоне истории тринадцати бродячих актёров, случайно появившихся в Гродно, чтобы поставить мистерию о распятии Христа. Город неспокоен, как растревоженный улей: измученные поборами, голодом, произволом, надругательством над телом и душой, которые благословляет церковь, жители Гродно готовы на бунт. И тогда властям приходит в голову спасительная, как им кажется, мысль – объявить лицедеёв „вторым пришествием Христа с апостолами”. Капеллан Босяцкий так объясняет свою идею: „сделать этих еретиков своими союзниками и с их помощью обуздать быдло”<sup>5</sup>. Многократно, из уст самых разных людей звучат слова о низведении человека до уровня бессловесной и подлой твари:

„Они были детьми своего времени, несчастного, больного, гнойного согнутого, когда **человек был почти животным**”<sup>6</sup> [Здесь и далее выделено мной – А.С.].

<sup>1</sup> В. К о р о т к е в и ч, *Христос приземлился в Гродно*, Санкт-Петербург 2006, с. 27.

<sup>2</sup> *Ibidem*, с. 25.

<sup>3</sup> *Ibidem*, с. 316.

<sup>4</sup> *Ibidem*, с. 8.

<sup>5</sup> *Ibidem*, с. 160.

<sup>6</sup> *Ibidem*, с. 27.

„Человек, сидящий у дороги на куче навоза, протянул потрескавшуюся, как земля, руку [...] Тот, что ехал впереди, достал [...] медную монетку и бросил.

– Напрасно вы это, – сказал ему епископ [...]

– Почему?

– Разве хватит на всё это **быдло**?”<sup>7</sup>

Это и есть вторая точка зрения на человека, утверждаемая властями; в ней реализуется традиционная для средневековой модели мира иерархическая лестница: „никакому человеку без позволения выше первой ступеньки не идти, и вперёд не бросаться, и место своё знать”<sup>8</sup>.

*Христос приземлился в Гродно* – роман дороги, в котором история protagonista – вариант известного каждому верующему человеку земного пути Иисуса<sup>9</sup>. Однако если Христос приходит в мир, чтобы спасти и научить, то Юрась Братчик, помимо его воли объявленный сыном Божиим, начинает свой путь как один из многих несчастных и грешных людей своего времени. Важнейшая примета этой эпохи – глубочайшее презрение власти (церковной, прежде всего) и к человеку, и к Богу. Это подтверждается уже самой идеей объявления трупы лицедеёв апостолами:

„«...Второе пришествие» подходило к воротам города [...]. И впереди шёл в наклеенной бороде и усах единственный хоть немного приличный человек изо всей этой компании. Шёл и нёс на плечах огромный крест. Шли за ним ещё двенадцать, все в холстине, и на лицах их было что угодно, только не святость [...]. Шёл, если разобраться, **самый настоящий сброд**”<sup>10</sup>.

Короткевич даёт широчайшую панораму катастрофического мира, доводящего человека до состояния абсолютной униженности и бесправия. Один из горожан характеризует происходящее как „наступление тьмы”<sup>11</sup>. Воплощением этого страшного мира можно считать гродненского палача-изобретателя, который, мечтая полностью сломить человеческую волю и достоинство, вводит такие „технические новшества”, как „прибор для добывания мозга через нос и исследования его на предмет опасных мыслей” и дубинку

<sup>7</sup> *Ibidem*, с. 16.

<sup>8</sup> *Ibidem*, с. 92.

<sup>9</sup> Об интерпретации Короткевичем библейского сюжета написано много – см., например: И.И. П л е х а н о в а, *Мифологема „второго пришествия Христа”. Духовно-интеллектуальные версии во времени и пространстве* [online], <http://vestnik.rsuh.ru/article.html?id=55151> [доступ: 20.12.2012]; А. В е к а, „На Беларусі Бог жыўе...”. *Біблейскія сюжэты і матывы ў паэзіі Уладзіміра Караткевіча* [у:] *Уладзімір Караткевіч і яго творчасць у еўрапейскім культурным кантэксце. Навуковы зборнік, рэдкал. А. М а л ь д з і с* (гал. рэд.) і інш., Мінск 2000, с. 157.

<sup>10</sup> В. К о р о т к е в и ч, *op. cit.*, с. 79.

<sup>11</sup> *Ibidem*, с. 58.

„[...] с приводными ремнями. Если удачно стукнуть лет в тринадцать, никаких мыслей и намерений у человека не останется, кроме намерения маршировать и получать за это свой хлеб”<sup>12</sup>.

На деле, палач, уничтожая человека, замахивается и на Бога: сладчайшее развлечение заплочных дел мастера – перед казнью сорвать человеку кожу с лица – подобья Божьего: „Нужно, чтобы оно сначала перестало быть Божьим”<sup>13</sup>. Глубину вершившегося трагического абсурда, проявляет и следующая ситуация: инквизиция, карающая еретиков и ведьм, приговаривает к сожжению на костре старика, на которого донесли, что он оборотень – кот, сбежавший из дома костельного органиста. Первым доказательством оборотничества была внешность подозреваемого:

„Лицо человека действительно смахивало на мордочку старого горемычного кота. Маленькое круглое личико, зеленоватые голодные глазки, вытертые короткие волосы на голове – чёрные, с проседью; усы – редкие. Норовят встопорщиться”<sup>14</sup>.

Кроме того, несчастного застали в корчме пьющим молоко; третьим и самым неопровержимым доказательством была его фамилия – Коцкий.

Короткевич описывает целый мир, в котором аморализм превращён едва ли не в норму:

„Чтоб у Янки [...] корова сдохла, и у Григория... И у Андрея, и у другого Андрея... И у Наума, и у Василия, и у Алеся, и у Евгения, и особенно у Ладья, паскуды, еретика”<sup>15</sup>, –

об этом, например, как о своём самом заветном желании сообщает Христу один из зажиточных хозяев.

На начальном этапе пути и Христом-Братчиком движет отнюдь не любовь к людям и не желание творить добро:

„Он сейчас до предела презирал это быдло. Скоты, паршивые свиньи, животные, черви”<sup>16</sup>.

„Он шёл, опустив глаза, ибо не хотел видеть лиц людских. На всех лицах, казалось ему, лежал отсвет близкого ада. Рыла, пики, грязные хари, а не лица. И всё время хотелось ему учинить над кем-нибудь какое-то злое своеволие”<sup>17</sup>.

Таковы же и его спутники. Снаряжение гродненским духовенством группы апостолов откровенно напоминает средневековый европейский карнавальная шутовской ритуал выборов короля и папы дураков:

<sup>12</sup> *Ibidem*, с. 103.

<sup>13</sup> *Ibidem*, с. 163.

<sup>14</sup> *Ibidem*, с. 317.

<sup>15</sup> *Ibidem*, с. 311–312.

<sup>16</sup> *Ibidem*, с. 164.

<sup>17</sup> *Ibidem*, с. 257.

„Ничего, – снисходительно пропел Лотр. – Думай, что хочешь, лишь бы танцевал по-нашему, пан Христос”<sup>18</sup>.

„Лотр наклонился к Христу:

– Бывай... Живи вольно... Только вот что: маску, маску носи. Глаза у тебя умненькие. Не дури. Надень”<sup>19</sup>.

Осознавая себя режиссёрами спектакля, митрополит Болванович и епископ Лотр не скрывают, что видят в этих людях только марионеток, кукол<sup>20</sup>. Награждение каждого из труппы актёров библейскими именами тоже напоминает карнавальное действо: церковники словно соревнуются в создании наиболее абсурдных персонажей. Имена евангелистов Иоанна и Матфея достаются безграмотным Ладысю Гарнцу и Даниилу Кадушкевичу, а имена первоапостолов Петра и Андрея – братьям Лявону и Явтуху Конавкам, о которых в своё время Братчик сказал: „идите вы с нами, хотя понятно, дурень в дороге не прибыток”<sup>21</sup>. Из двенадцати апостолов десять оказываются ничтожными людьми, за 30 серебряных монет предавшими своего Христа. Для них странствие по Беларуси было скорее маскарадом, приключением, дающим возможность окунуться в безбедную жизнь.

Размышляя о структуре литературного персонажа, в одном из писем В. Короткевич заметил, что образ человека должен быть не только интересным и многогранным, но и узнаваемым, восходящим к некоей литературной традиции<sup>22</sup>. Развивая эту мысль, А. Русецкий возводит образ Юрася Братчика к общей для Тиля Уленшпигеля, Колы Брюньона, Геврасия Выливахы модели; другие исследователи значительно расширяют ряд возможных прототекстов, подчёркивая особую важность текста евангельского<sup>23</sup>. Новоявленный Христос накормил голодных несколькими рыбами и хлебами, изгнал торгующих из храма, прошёл по водам и т.д. (хотя каждое чудо имело вполне земное объяснение).

<sup>18</sup> *Ibidem*, с. 186.

<sup>19</sup> *Ibidem*, с. 245.

<sup>20</sup> *Ibidem*, с. 194.

<sup>21</sup> *Ibidem*, с. 132.

<sup>22</sup> „Герой павінен быць не толькі гераічным, захапляючым, тыповым, але павінен таксама мець ужо некаторую літаратурную традыцыю, яго павінны ведаць усе”. Цит. по: А. Сцяпанав, *Рысы еўрапейскага постмадэрнізму ў творах Уладзіміра Караткевіча (на матэрыяле рамана „Хрыстос прыязмліўся ў Гародні”)* [у:] *Уладзімір Караткевіч і яго творчасць...*, с. 61.

<sup>23</sup> См.: А. Русецкі, *Уладзімір Караткевіч: праз гісторыю ў сучаснасць. Беларускі Вальтэр Скотт* [online], [www.uladzimir-karatkevich.com/krit/rusecki2.html](http://www.uladzimir-karatkevich.com/krit/rusecki2.html) [доступ: 20.12.2012]. Белорусские учёные сделали много интересных замечаний о связи романа Короткевича с белорусскими, русскими и западноевропейскими художественными моделями. Адам Мальдис подчеркнул аналогии с Ф. Рабле, Ш. де Костером, Гёте и Байроном (А. Мальдис, *Уладзімір Караткевіч – пісьменнік беларускі і еўрапейскі* [у:] *Уладзімір Караткевіч і яго творчасць...*, с. 36). А Верабей находит многочисленные параллели с Данте, В. Скоттом, А. Мицкевичем, А.С. Пушкиным, Л.Н. Толстым, М.Е. Салтыковым-Щедриным, К. Паустовским и др. (А. Верабей, *Герой прозы Уладзіміра Караткевіча* [у:] *Уладзімір Караткевіч і яго творчасць...*, с. 44). А. Сцяпанова рассматривает, как интерпретируется библейский сюжет (А. Сцяпанав, *op. cit.*, с. 60).

Столь же актуальными для построения образа странствующей компании были и поведенческие модели ренессансных персонажей-плутов, вроде Лосарильо с Тормеса или героев новелл Боккаччо (возвращение зрения мнимым слепым или торговля бутылочками с вздохом святого Иосифа Аримафейского, который позволяет пить и не пьянеть). В истории, изложенной Короткевичем, ярко проявляется карнавальная амбивалентность, когда меняются местами низ и верх, правое и левое, духовное и материальное, профанное и сакральное, трагическое и шутовское<sup>24</sup>, и это ещё раз подтверждает ренессансную сложность личности, выстраиваемой Короткевичем.

Актёры, которым было предложено сделать выбор между смертью и спектаклем-надувательством, выбирают жизнь, пусть для этого и нужно было превратиться в лжецов. Однако странствия Братчика с „апостолами” по Беларуси, когда принятое имя Христа обязывает к определённом поведенческому алгоритму, в конечном итоге заставляет молодого человека осознать, как мог бы воспринять увиденное на земле Иисус, и бросить вызов государственному, религиозным этическим устоям. Эволюция героя – от человека толпы до воплощения высочайшей духовности – происходит под влиянием многих обстоятельств, прежде всего, благодаря осознанию социального неравенства и униженности человека<sup>25</sup>.

Интерпретация библейской идеи о Втором Пришествии связана в романе Короткевича со многими другими сюжетами, узнаваемыми в границах мировой литературы и поддерживающими евангельский сюжет. Например, история о приставленной духовенством к Христу-Братчику шпионке Марине Кривиц (ситуация „красивая женщина по имени Марина при самозванце”) вызывает неизбежную ассоциацию с авантюрой Марины Мнишек и Лже-Дмитрия. Однако дальнейшие события развиваются совсем по иной схеме: если Мнишек вела своего возлюбленного к гибели, то Марина Кривиц, став свидетельницей нравственного возвышения Христа-Братчика, принимает миссию Марии-Магдалины. В конечном итоге именно она помогает своему учителю не сломаться во время суда. Путь Марии-Магдалины (от продажной женщины, епископской шпионки – к способной по-настоящему сострадать и любить единомышленнице Христа) может быть прочитан и как вариант духовной эволюции самого Христа-Братчика.

Из тварного мира – к осознанию величия духа, по-своему повторяя путь своего учителя, пройдут ещё двое из самозванных апостолов. Наречение Иосии Раввуни и Богдана Роскаша именами Иуды и Фомы (Тумаша Неверного) – тоже версия карнавального опрокидывания: традиционно, апостолы, вызывающие настороженное к себе отношение (тот, кто предал, и тот, кто не поверил), оказываются самыми верными и последовательными

<sup>24</sup> См.: М. Б а х т и н, *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*, Москва 1990. Карнавальная составляющая художественного мира романа Короткевича и особая связь с традицией фольклорной смеховой культуры отмечена А. Верабём (А. В е р а б е й, *Абуджаная памяць. Нарыс жыцця і творчасці У. Караткевіча*, Мінск 1997, с. 49).

<sup>25</sup> См.: А. Р у с е ц к і, *op. cit.*

учениками. Не случайно, именно Иуда пишет Евангелие, историю жизни учителя<sup>26</sup>, а Фома вместе с Марией-Магдалиной играет ключевую роль в его спасении.

Любимая идея Короткевича о возрождении Человека заявляет о себе и в других творениях писателя<sup>27</sup>. Постоянно, особенно в маргинальных сегментах текста романа (эпиграфах, сносках, комментариях) Короткевич предлагает читателю многочисленные „ключи“, позволяющие увидеть разные ипостаси реализации этой идеи<sup>28</sup>.

Один из самых ярких в этом смысле – дантовский код. Конечно же, Короткевич не стилизовал свой роман под *Божественную комедию*, но многие элементы художественного мира ориентированы на дантовский прототекст. Путь Христа-Братчика к истине – это своеобразный аналог странствий Данте (и Человека как такового) по загробному миру, причём эволюцию протагониста можно условно разделить на три этапа: блуждание по тёмным кругам ада (так сам Короткевич называет первое пребывание Братчика в Гродно). Далее следует чистилище: странствуя по Беларуси, герои обретают силы вырваться из тьмы к свету. Наконец, в финале романа Христу-Братчику открывается рай – вначале как сон, а затем как праведная жизнь в кругу друзей, спасших его от смерти.

В начале пути Христос-Братчик и его ученики являются просто удачливыми аферистами, и деяния их скорее карнавальные пародии на евангельские сюжеты (например, воскрешенный Лазарь – это мертвецки пьяный мужик, который возвращается к жизни, после погружения в ледяную воду). Неоднозначными представляются и приключения в Новогрудке, когда, с одной стороны, жертвуя собой, Христос-Братчик спасает Марину от толпы обезумевших женщин, решивших камнями забить блудницу до смерти. В то же время он вместе с „апостолами“ предаётся самому безудержному грабежу:

„Грабили так, чтоб назавтра не с чего было причаститься. Иконы, оклады, дарохранительницы, лампы, деньги из тайников и сокровищниц, драгоценные камни. Сдирали всё”<sup>29</sup>.

Жизнь в этот момент представляется им лишённой смысла:

„Напрасно искали они дерево, вокруг которого могли бы обвить свою жизнь. Шли налегке, потому что большую часть денег успели закопать на будущее, но в душах у них жили тяжесть и неверие”<sup>30</sup>.

<sup>26</sup> Подзаголовок романа – *Евангелие от Иуды* тоже может быть рассмотрен как пример карнавального опрокидывания.

<sup>27</sup> О концепции личности в других произведениях В. Короткевича См.: В. Л о к у н, *У пошуку маральнага ідэалу. Проза Уладзіміра Караткевіча* [у:] *Уладзімір Караткевіч і яго творчасць...*, с. 140.

<sup>28</sup> О смысле эпиграфов в романе см.: А. Р у с е ц к і, *op. cit.*

<sup>29</sup> В. К о р о т к е в и ч, *op. cit.*, с. 305.

<sup>30</sup> *Ibidem*, с. 309.

Движение вниз, по адской воронке, завершается встречей с дьяволом: вначале враг человека предстаёт в образе инквизиторов, обрекающих осуждённых на мучительную смерть в огне:

„...жирные, пергаментные или налитые кровью [...] морды. Каждое – не обличье, не образ Божий [...], не Лик, а именно *os porci*, свиное рыло без стыда и совести”<sup>31</sup>.

Один из приговоренных, ведущий себя гордо и с достоинством, „как дантовский Фаринато, с презрением к самому огню”<sup>32</sup>, проклинает своих убийц:

„– Отродье ада... Сыны Велиала... Наследники дьябла и монастырские суки... Истинно говорю: среди **хищных зверей** на **первом** месте – поп, на **втором** – начальник, и только на **третьем** – тигр”<sup>33</sup>.

Прямые и косвенные отсылки к дантовскому тексту в этой части романа многочисленны: не случайно здесь упоминается о трёх хищных зверях, как не случайно возникают и образы адской воронки: „Словно в золотисто-красных **воронках** стояли пять человек”<sup>34</sup>, – или адского вихря, в котором хороводом несутся души грешников.

Ориентация на *Божественную комедию* актуализируется и в символическом числе, реализованной в композиции романа. Как известно, ключевыми для *Божественной комедии* были цифры 3, 7, 9<sup>35</sup>. Принципиально важны они и для художественной системы романа белорусского писателя. Композиция поэмы Данте (три части по 33 песни и введение) в цифровом варианте выглядит следующим образом:  $33 \times 3 + 1 = 100$ , т.е.  $(7+3) \times 10 = 100$ . Роман Короткевича, состоящий из 62 глав и вступительного „Слова двух свидетелей”, в цифровом варианте читается как  $62 + 1 = 63$ , т.е.  $7 \times 3 \times 3 = 63$  (или  $7 \times 9 = 63$ ). В эпиграфах Короткевич **трижды** обращается к стихам из *Божественной комедии*. Говорящими в этом смысле являются и названия соответствующих глав: **шестая** – „Сошествие в **ад**”; знаменитые строки „Lasciate ogni speranza” – Оставь надежду [всяк сюда входящий]<sup>36</sup> открывают **седьмую** главу „Ключи **ада** и смерти”. В следующий раз дантовские строки появляются как эпиграф **девятой** главы „Дно **ада**”. Нумерация, кратная трём, и слово „ад” в названии каждой главы настойчиво подталкивают читателя к ассоциациям с дантовским „Inferno”. Как и у великого итальянца, в романе Короткевича говорящей является и цветопись: главы, соответствующие „аду” маркированы чёрными и красными (огненными) тонами. Вот как, например, описывается чёрная месса, которую отправляют доведённые до полного отчаяния жители деревень, где недавно горели инквизиторские костры:

<sup>31</sup> *Ibidem*, с. 316.

<sup>32</sup> *Ibidem*, с. 322.

<sup>33</sup> *Ibidem*, с. 323.

<sup>34</sup> *Ibidem*.

<sup>35</sup> См.: Р. Генон, *Эзотеризм Данте*, Москва 2003, с. 152–168.

<sup>36</sup> В. Короткевич, *op. cit.*, с. 90.

„Ярко побежали вверх **языки пламени**. Через минуту [...] **пылал** огромный, с целую сосну, крест. Огонь вырывал из **тьмы** [...] силуэты сухих деревьев и лица людей. Их было множество. [...] Целое море. [...] Крест **пылал** у них над головами. **Огненными и чёрными** птицами метались над ними **свет и тень**.

У креста стоял человек в **чёрном** плаще. На лице – грубо намалёванная маска, на шапке – турьи рога. В руке – длинное копье. [...] Над головами людей поплыл большой, испещрённый **красным** лист пергамента [...]

– Мы выдрали его из самого великого Евангелия, когда приносили жертву. И каждый оставил на нём каплю **крови**”<sup>37</sup>.

Подтверждает этот подход и мир звуков, как и у Данте, ад Короткевича лишён музыки и благозвучия. Вот лишь небольшой фрагмент:

„**Глухо**, как из-под земли, раздался вдруг некий призыв [...]. И неожиданно в ответ на него, прозвучал неслыханной силы голос, от которого у невольных свидетелей мороз пробежал по спине [...], лязгал металлом **чудовищный голос**, [...] зазвенел **придушенный, чудовищный многоголосый смех**, [...]застонали голоса [...].

– Властелин! – **прорыдал** кто-то [...].

И тут над лощиной прозвучал **немой**, как в ночном кошмаре, человеческий **крик**. Даже не человеческий, а такой, как будто **рычал** под неудачным ударом ножа в предсмертном страхе бугай. Затем кто-то **замычал**”<sup>38</sup>.

На дне адской воронки Данте видит Люцифера, предавшего Господа Бога, Братчику тоже суждено узреть врага человеческого рода:

„В каждом Амане – великая мана.

– Имя мое? – спросил голос.

– Сатанаил, – тихо простонали голоса. – Люцифер... Светоносный...

– Похвост... Чернобог!..”<sup>39</sup>.

Словно вознесённые адским ветром, словно вправду в **вечном Дантовом хороводе**, в ежеминутном падении и взлёте и как будто в воздухе, не чувствуя ногами земли, мчались они. Вихрь, ураган, ветер самих столетий на лицах. Забытьё разума и самих себя. **Ад, вечное пламя**, шальной, вечный полёт самой жизни”<sup>40</sup>.

Этот момент становится и началом возрождение Христа, именно во время казни невинных Братчик впервые заговорил о ценности человека:

„– Христос, – натужно проговорил Фома. – Я сейчас не выдержу. Я обыдлел. Сейчас залаю, на все четыре встану ...

–К-куд-да? – схватил его Братчик. – Тебе нельзя. Ты ... человек”<sup>41</sup>.

<sup>37</sup> *Ibidem*, с. 334–335.

<sup>38</sup> *Ibidem*, с. 232.

<sup>39</sup> *Ibidem*, с. 332.

<sup>40</sup> *Ibidem*, с. 338.

<sup>41</sup> *Ibidem*, с. 324.

Погружение в бездну отчаяния и страдания становится для Христа-Братчика моментом своеобразной инициации, умирания и воскрешения в ином качестве:

„Боже! Боже мой! Спаси маленьких. Спаси угнетённых, спаси даже бродяг и жуликов, ибо отняли у них достойное жалости жилище и могут отнять даже дорогую только им жизнь. [...] Он почувствовал, что безумеет, что смешивает себя в одно целое с ними и тысячами других. [...]

Христос почувствовал, что умирает. Исчезло солнце [...]. Ибо как сам Он вытерпел ... так может помочь и тем, кого искушают... Тьма стояла в глазах [...] Рвался. Рвался в небо огонь”<sup>42</sup>.

Путь Братчика – это не только осознание своего Божественного избранничества, но и реализация потенциала, который несёт имя, данное ему при крещении: Юрась – Юрий – Георгий. Не случайно, в начале своего пути, ведомый на пытку Братчик, взглянув вверх, видит изображение святого Юрия:

„Ещё выше креста [...] возносился над всеми, угрожал мечом и прикреплённым к стремённой петле копьём железный, покрытый потемневшим серебром конный великан, всеобщий Патрон”<sup>43</sup>.

Как известно, главный подвиг св. Георгия – победа над змеем, драконом. Поэтому мужицкое войско, ведомое Христом-Братчиком на Гродно, идёт в бой с песней о святом Юрии: „Вот мой народ, Как львица, встаёт. [...] Дети Юрия Святого / Дети его удела...”<sup>44</sup>.

Церковь (в большей степени католическая, но и православная тоже) становится, как это ни парадоксально, воплощением сатаны. Умиравший сподвижник Христа-Братчика Гиав Турай, висая на дыбе, произносит пророческие слова, обращаясь к клиру: „Имя тебе – Сатана”<sup>45</sup>.

Главным врагом Юрася Братчика становится доминиканский монах, тайный иезуит, друг Игнатия Лойоллы – Флориан Босяцкий. Изначально он заявлен как антигуманист, откровенно стремящийся отнять у человека право на величие:

„отними детей, их приучи с самого начала думать по-твоему, убей ересь гуманизма ещё в колыбели, пускай даже и самой великой ложью [...]”.

Чтоб забыли навсегда, чтобы во всей мировой империи забыли, что они «цари природы», «мыслители», «те, что сами думают и сами ищут», а помнили и знали только одно: они рабы Бога, adeпты нашего учения, что они не сомневаются ни в чём и думают, как все. И ни на крупицу больше”<sup>46</sup>.

<sup>42</sup> *Ibidem*, с. 323, 324.

<sup>43</sup> *Ibidem*, с. 92.

<sup>44</sup> *Ibidem*, с. 482–483.

<sup>45</sup> *Ibidem*, с. 550.

<sup>46</sup> *Ibidem*, с. 24–25.

Оппозиция „цари природы”, „мыслители”, „те, что сами думают и сами ищут”, с одной стороны, и „рабы Бога, адепты нашего учения, [...], как все” – с другой – это то, что характеризует отношение к человеку антагонистов – Христа-Братчика и Босяцкого. Внутренняя сущность иезуита – змеиная. Ни одно описание этого персонажа не обходится без деталей, обнажающих змеиность: Босяцкий носит символ своего ордена – „медальон со змеей, обвинившей подножие креста. Змея приняла угрожающую позу, обороняя крест”<sup>47</sup>; прикосновение монаха вызывает страх и отвращение:

„Будто что-то тайно-нечистое, холодное, недоступное никаким страстям, опоганило руку. Словно, проснувшись среди ночи, с ужасом почувствовал [Братчик – А.С.] на ней скольжение змеи”<sup>48</sup>.

У иезуита „серые в прозелень, плоские глаза”<sup>49</sup> и язык, как змеиное жало: „из рта у Босяцкого словно плыл смердящий гной, из-под языка высывалась травинка- жало”<sup>50</sup>. Последнее противостояние Братчика (Змееборца) и Босяцкого (Змея) происходит во время казни Христа-Братчика. Восходя на крест, он произносит: „Я вызываю вас на суд Божий! Месяца не пройдёт, как мы встретимся!”<sup>51</sup>, в этот момент стрела, выпущенная Фомой, поражает Босяцкого.

После того, как Христос-Братчик погружается в адскую бездну и одновременно проникается жалостью и состраданием к человеку, радикально меняется характер его поступков. Отныне Юрасём Братчиком движет желание помочь человеку, защитить и спасти его: поэтому он изгоняет торгующих из храма, становится во главе народного войска, отражающего татарское нашествие. И даже Остробрамский костел в Вильно он грабит не для собственного обогащения, а для спасения людей от голодной смерти:

„Христос бросал с гульбища в народ охапки ожерелий и деньги:  
– Спокойно подходите люди. Берите по золотому или по жемчужине [...]  
Не нужно это ни Житной Матери, ни мне. Несите детям! Живите!”<sup>52</sup>

Любовь к людям заставляет Христа стать во главе мужицкого войска, идущего на Гродно, чтобы установить там справедливость или принять нечеловеческие муки и смерть на кресте: „Люди, – тихо сказал он. – Деточки! Народ мой! Одна у нас дума, и нет больше сил моих терпеть, как нету и у вас. Теперь до конца”<sup>53</sup>. Принципиально важно, что в момент выбора Христос осознаёт своё родство с народом, ему доверившимся. На провокационный

<sup>47</sup> *Ibidem*, с. 21.

<sup>48</sup> *Ibidem*, с. 93.

<sup>49</sup> *Ibidem*, с. 194.

<sup>50</sup> *Ibidem*, с. 540–541.

<sup>51</sup> *Ibidem*, с. 602. Ситуация, когда казнимый вызывал на Божий суд своих убийц, прото-текстом имеет историю казни магистра ордена тамплиеров Жака Малле.

<sup>52</sup> В. К о р о т к е в и ч, *op. cit.*, с. 424.

<sup>53</sup> *Ibidem*, с. 436.

вопрос капеллана Босяцкого: „Если ты Христос, где мать твоя? Где сёстры и братья?“, – отзывается хор голосов:

„– Я мать Ему! – крикнула из толпы старуха, что молила о корове.  
– И я!.. И я!..  
– Мы Ему братья! Мы сёстры! Мы! Мы!“<sup>54</sup>

Войско Христа одерживает победу, но своеобразное царство Божье на земле было недолгим. В конечном итоге власть в Гродно снова переходит к прежним правителям, Христа-Братчика приговаривают к смерти, и в ночь перед казнью он видит сон о мужицком Рае, где Бог Саваоф был похож на рачительного белорусского крестьянина, у которого и в доме, и в поле порядок. „Мария, очень похожая на Анею [возлюбленную Братчика – А.С.] и Магдалину“<sup>55</sup>, была доброй женой и хлебосольной хозяйкой. Бог показывает Юрасю будущее, когда Раем станет родная земля:

„В разрывах облаков всё чаще и чаще видно было землю [...] В **аква-мари**не океанов, где плавали большие рыбы, в **зелени** пущ, где, нетронутые, непуганные, ходили олени и мирные зубры. В **золоте** нив и **платине** северных рек, в **серебряной белизне** бескрайних садов. [...]

Люди, которых никто не обманывал, не грабил, и не обижал, работали на полях и **пели**. [...]

...она простиралась перед ним в нетленном сиянии вечной красоты, Мудрая, трудолюбивая, богатая, возлюбленная. Родина! [...]

И **разносились над ней песни**, и долетали с неё голоса. **Звучала, как музыка**, нежная и твёрдая, прекрасная, вечная, бессмертная белорусская речь“<sup>56</sup>.

В финале романа идея рая на земле возникает ещё раз: освобождённый верными учениками, Христос-Братчик с единомышленниками устраивает своеобразную коммуну. Завершается роман символической сценой: свободные люди засевают свою землю, и снова знаковым оказывается дантовская парадигма *новой жизни*:

„А сеятели поднимались на вершину круглого пригорка, как на вершину земного шара [...] И, готовое к **новой жизни**, падало зерно в тёплую, мягкую землю. Вышел Сеятель сеять нивы Своя“<sup>57</sup>.

Художественный мир романа имеет безусловные неомифологические коннотации. Параметры спора о человеке постоянно экстраполируются на другие эпохи, чаще всего на XX век. Короткевич то и дело вспоминает о научных достижениях современности: вопросах стиховедения, психологии личности, сепарировании плазмы, и т.д. Думается, не случайны и странные, на

<sup>54</sup> *Ibidem*, с. 420.

<sup>55</sup> *Ibidem*, с. 582.

<sup>56</sup> *Ibidem*, с. 584–585.

<sup>57</sup> *Ibidem*, с. 614.

первый взгляд, сравнения пыточной камеры – с застенками гестапо, орудий пыток – с зубоврачебными инструментами или стрелой подъёмного крана. Невыносимо знакомым, напоминающим мемуары жертв сталинских репрессий, представляется и описание террора, развёрнутого против своих граждан властями Гродно после подавления восстания:

„Пытали по одному, но приговоры выносили пачками, не слишком разбираясь, что к чему. [...] лютовали, подавая лживые доносы, шпионы и стукачи. И оттого по городу катилась лавина арестов. Забирали отцов у детей и детей у отцов, мужа – от жены, парня – от любимой. Весь Гродно не спал по ночам. Люди лежали и смотрели бессонными глазами во тьму. Пружина лживого доноса могла ударить каждого в каждую минуту”<sup>58</sup>.

„Люди ежеминутно ждали, что придут и схватят. Население города уменьшилось наполовину”<sup>59</sup>.

Наконец, интересным представляется и тот факт, что трижды, в разных контекстах упоминается слово „диссидент”. И хотя в сноске Короткевич даёт расшифровку: „Христианин, не принадлежащий к Римско-католической церкви”<sup>60</sup>, вряд ли не имелись в виду реалии XX века<sup>61</sup>. Поэтому слова, вложенные в уста Каспара Бекеша<sup>62</sup>, имеют вполне „оттепельный” смысл<sup>63</sup>:

<sup>58</sup> *Ibidem*, с. 548.

<sup>59</sup> *Ibidem*, с. 551.

<sup>60</sup> *Ibidem*, с. 48.

<sup>61</sup> „К концу 1960-х гг. открытое игнорирование негласных предписаний власти стало заметным фактором советской культурной и общественной жизни. Вскоре появилось и специальное слово для обозначения тех, кто выбрал эту новую и непривычную для советского человека линию поведения. Их стали называть **диссидентами**” (*Мемориал. История советских диссидентов* [online], [www.memo.ru/history/diss/index.htm](http://www.memo.ru/history/diss/index.htm) [доступ: 20.12.2012]). Как известно, судебный процесс против писателей А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля длился с осени 1965 года по февраль 1966 года. См.: *Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля*, сост. Е.М. В е л и к а н о в а, Москва 1989.

<sup>62</sup> Бекеш исторический и Бекеш – персонаж романа Короткевича – не совпадающие персоны. Однако пафос утверждения величия человека их объединяет. Уместно привести слова, начертанные на надгробье великого гуманиста. Надпись сочинена единомышленниками К. Бекеша и по его завещанию высечена на его могиле в Вильно на Лысой горе, названной впоследствии горой Бекеша. Перевод с польского В.А. Сербенты:

*Все имею из себя; не хочу признавать бога;  
Не жажду его неба, ада не боюсь,  
Милосердия не прошу, ничто не говорит за суд [после смерти];  
Не ведаю греха и не знаю, чтобы перед кем-нибудь был в долгу,  
Жил всегда сам по себе и был всегда старательным.  
Не тревожусь относительно тела, тем более, относительно души,  
Умершей вместе со мною, я это должен смело признать;  
Для меня не будет [существовать] того труда, который имеют другие,  
Отыскивая свою душу, когда встанут из гроба...*

(Цит. по В.А. С е р б е н т а, *Видные атеисты и материалисты Белоруссии второй половины XVI в. – Стефан Лован (вторая половина XVI в.) и Каспар Бекеш (1520–1579 гг.)*, Минск 1962, с. 83).

„... этот человек не обманщик, не плут. [...] Он имеет право [...]. Это человек [...]. Такой, каким должен быть человек. И вот этого человека убивают. Где правда? Где Бог? [...]. Предали... Хохочут. Зачем же Данте жил, Боттичелли, Катулл?! [...] Че-ло-ве-ка тысячи лет распинают! Святость его!..”

*Христос приземлился в Гродно* В. Короткевича вызвал к жизни самые разные интерпретации, высказывались даже предположения о близости его художественного мира постмодернистскому<sup>64</sup>. Однако, думается, несмотря на то, что реминисцентное поле романа достаточно плотное, единая, гуманистическая концепция человека служит доказательством того, что роман великого белорусского писателя находится в пределах классического художественного сознания XX века.

Anna Stankevič

**The dispute about man in V. Korotkevich's novel *Christ has landed in Grodno***

A b s t r a c t

The central problem of V. Korotkevich's novel *Christ Has Landed in Grodno* (1966) is the dispute about man. The interpretation of the motif of Christ's second coming is introduced there. The concept of personality in the artistic world of the novel is deciphered with the help of various codes: Biblical, cultural and historical, folkloristic, etc. The system of events is constructed as the clash of two mutually exclusive points of view on the value of personality: medieval, according to which a man in his earthly life is paltry and does not deserve respect and happiness, and humanistic, the main postulate of which is „man is the crown of the universe”. V. Korotkevich builds a neo-mythological picture of the world where various layers of time, including the 20th century, are unified. While considering the man's right to dignity and freedom, Korotkevich creates a historical novel which is, in fact, sharply polemical in relation to its contemporary reality.

<sup>63</sup> И. Плеханова подчёркивает важность философского осмысления В. Короткевичем проблемы „возможности преображения человека и общества, пребывающего во зле и разложении [...] на излёте «оттепельных» настроений и на материале историческом” И.И. Плеханова, *op. cit.*, с. 125.

<sup>64</sup> А. Сцяпанав, *op. cit.*, с. 63.